

A close-up photograph of a violin body, showing the f-hole and the wood grain. A string made of green barbed wire is visible, running vertically along the right side of the instrument. The background is a blurred, light-colored surface.

Станислава Бер

СТРУНА

ИЗ КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКИ

18+

Станислава Бер

Струна из колючей проволоки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42240203

SelfPub; 2019

Аннотация

Элеонора Грин – старший воспитатель колонии для малолетних преступниц. Лиза Чуйкина, новенькая девочка с волосами цвета зрелой ржавчины, нервирует воспитателя. С её приездом начинает происходить что-то странное. Одна за другой на больничную койку попадают осуждённые. Кто она, эта Лиза? Ангел или демон?

Содержание

Япономать	4
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Япономать

Элеонора Грин поправила форменную куртку, дёрнула подбородком слева направо, поёжилась и спрятала руки за спину. Весна никогда не приходит в эти края, после зимы сразу наступает лето, долгожданное и короткое. А сейчас март, пасмурный, зябкий, со злым ветром, оставляющим цыпки на нежной коже перевоспитуемых. Но сегодня ветра не было, сегодня висел туман, клочкастый и липкий.

Вновь прибывшие девочки стояли, нахохлившись, как испуганные воробышки, головки втянули в плечики, переминаясь с ноги на ногу, глазками шныряли. Где это мы?

– Меня зовут Грин. Я – старший воспитатель колонии для малолетних преступников, то есть для вас, – Элеонора сделала паузу, обвела новеньких ледяным взглядом. Привыкайте. – Здесь никого не интересуют ваши желания и капризы. Здесь должна быть железная дисциплина и порядок. Я ясно выражаюсь?

– Ясно, – проблеяли малолетние преступницы.

– Я не слышу, – сдавленно сказала-потребовала Грин. В голосе звенел металл, и от этого девочкам стало ещё страшнее.

– Ясно! – ответили хором.

Кудрявая девочка с волосами цвета зрелой ржавчины нервировала старшего воспитателя. Со всеми не отвечала, как

будто её это не касалось, смотрела сквозь Элеонору равнодушными кошачьими глазами.

"Ничего, ещё посмотрим, кто кого. Не таких ломали".

– За малейшее нарушение дисциплины – карцер, – также спокойно продолжила старший воспитатель. – Знаете, что такое карцер?

– Отдельная камера со всеми удобствами? – решила выпендриться самая смелая. Девочки засмеялись.

– Неправильный ответ. Что у вас в жизни было самое страшное?

Новенькие застыли с напряжением на лице. У каждой в голове пронеслись нелёгкие воспоминания. Улыбки стёрлись мгновенно, как скорый поезд, пролетающий мимо захудалой станции – вроде был, а вроде и нет.

– Вспомнили? Не отвечайте, не надо. Представьте эти ощущения и умножьте на три, тогда и получится карцер. Как фамилия? – спросила Элеонора и кивнула самой смелой.

– Иванова.

– Иванову – в карцер. Остальных – на карантин, – приказала Грин, полуобернувшись к охранникам за спиной. – Ещё есть желающие пошутить? Нет. Ну, и отлично.

Девочки вздрогнули, кудрявая даже не шелохнулась. Странная какая-то. От таких молчаливых жди неприятностей. Надо к ней присмотреться.

Элеонора вернулась к себе, поставила чайник, потёрла озябшие руки. Сейчас согреется. Открыла шкафчик у стены,

оглянулась по сторонам, как воровка перед кражей. Бережно вытащила скрипку из футляра, совсем маленькую, нецелая, а одна вторая, детский размер. Приложила к плечу. Да, маловата. Пальцы плохо слушались, но всё равно смычок уверенно задвигался по струнам, извлекая незамысловатую мелодию. Женщина закрыла глаза, переносясь в невиданные дали. Музыка оборвалась на самой высокой жалостливой ноте, резко, как сорвавшаяся с катушек карусель в детском парке.

– Разрешите? – в дверь деликатно постучали. Боязно прерывать начальство за таким непотребным занятием, как будто в бане подглядываешь. Лучше б водку пила втихаря, это хотя бы было понятно. А тут что – скрипочка. Странная баба эта Грин, но девок держит в строгости, за это её и ценит "хозяин".

– Входите! – сказала старший воспитатель, убрав инструмент в шкаф.

– Здесь личные дела вновь прибывших осуждённых.

– Спасибо. Положите на стол, и свободны.

Та-а-ак, посмотрим, ху из ху. Элеонора налила крепкого чая и уселась за стол.

– С этой девицей всё понятно – причинение вреда средней тяжести, – сказала вслух старший воспитатель, пролистывая дело. Взяла следующую папку. – Воровка. Опять воровка. Грабёж. Наркоманку нужно взять на учёт.

Смакуя чайный вкус, она отхлебнула из кружки, прополоскав тёплым напитком рот. Дурацкая привычка, которая

так раздражает Виталика. Элеонора судорожно проглотила чай. Нужно бороться с дурными привычками и не раздражать мужа по пустякам. Ему и так достаётся в этой жизни.

— Так-так. Ах, вот кто у нас молчаливая кудряшка. Чуйкина Елизавета Павловна, четырнадцать лет. УК РФ Статья 105. Убийство.

Из показаний свидетеля Чуйкиной А.А.

"Дочь моя Лиза воспитывалась у моей матери в деревне. Я их иногда навещала. Муж мой, отец Лизы, дочери почти не видел. С тёщей отношения не сложились, она его и не допускала к ребёнку. Он работал участковым терапевтом в поликлинике. Уважаемый человек, честный гражданин, примерный семьянин. Я на него молилась каждый день, такой он был хороший.

Полгода назад мать преставилась, Лиза переехала в нашу квартиру. Девочка оказалась неуравновешенной, что уж там бабка с ней делала, не скажу. К отцу испытывала неприязнь, почти не разговаривала. А в тот день накинулась с ножом и всего искромсала.

Прошу, накажите её по всей строгости. Она же отца родного убила!"

Из других материалов дела.

** По месту работы Чуйкин П.П. характеризуется как специалист с высшим медицинским образованием. К работе относится старательно. С пациентами вежлив и внимателен. Отмечен грамотами и благодарностями.*

** Чуйкина Е.П. – ученица седьмого класса, переведена из сельской школы в текущем году. С учебной программой справляется удовлетворительно, на уроках малоактивна. В классных и общешкольных мероприятиях участвовать отказывается. В отношениях с одноклассниками сдержана, в конфликты не вступает. Вредных привычек не замечено.*

** * **

Карантин продлился четырнадцать дней. Помывка, бритьё наголо, медицинский осмотр, беседа с психологом, назначение учебной программы и трудовой повинности – всё, как полагается в колониях для малолетних преступников.

По стеклу ползли снежинки, таяли, превращаясь в струйки. Элеонора в окно наблюдала, как новенькие в телогрейках поверх синих халатов, в линялых платках, разбрелись по отрядам. Не прошло и часа, как старшего воспитателя Грин вызвали в тринадцатый отряд. Срочно! ЧП!

Бежать пришлось недолго. Отряды находились недалеко от администрации. Кирпичное здание отталкивало своим видом. Прокопчённое временем, оно пропиталось стенаниями нескольких поколений девушек, наказанных государством за тяжкие преступления. Ну, да ничего, в конце концов, не на курорт приехали. Элеонора залетела в блок тринадцатого отряда под занавес. Охранники уже растащили дерущихся. Один держал Лизу Чуйкину, второй – Брынзу. Куда же без неё? Толстая девица с белыми трясущимися щека-

ми, с водянистыми глазами, как плевок на грязном асфальте, верховодила в колонии.

– Обе – в карцер, – приказала Грин, дёрнув подбородком слева направо. – Весь отряд читает правила поведения. Вслух. Вместо вечернего просмотра телевизора.

Поднялся возмущённый гул голосов. Подручные Брынзы – гориллоподобная Дыба и маленькая вертлявая Юла, недружелюбно посмотрели в сторону кудрявой.

В комнате охраны старший воспитатель попросила привести осужденную Веронику Борисову по прозвищу Шило. Элеонора заняла единственный в комнате стол, девушка усеялась напротив. Шило не могла и секунды усидеть на месте, постоянно крутилась, встряхивая белую чёлку.

– Что случилось? – спросила женщина, откинувшись на спинку стула.

– Брынза мучила котёнка, вывихнула ему лапку. Японамать заступилась, – коротко обрисовала ситуацию осведомитель.

– Японамать? – переспросила Грин, наклонившись над столом.

– Ага. Ненормальная какая-то. Говорит, как будто стихи читает, но не в рифму, а словно хокку, – Вероника хохотнула. – Таблеточки дадите, тётя Эля?

– Нет. Варенье клубничное будешь?

– А куда деваться? Давайте варенье, – погрустнела девушка.

Грин достала из ящика стола тубик с вареньем, положила перед доносчицей. Шило цапнула лакомство, быстро спрятала под халат и вышла из комнаты. В коридоре она оглянулась по сторонам. Никто не видит? Видели.

Элеонора по телефону доложила о происшествии начальнику колонии, раздала указания охране усилить контроль и направилась в карцер. Вдоль длинного коридора с потрескавшейся, местами выбитой керамической плиткой тянулось несколько отсеков, вместо дверей – решётки, всё на виду, все на виду, и следить удобно. Прошла мимо Брынзы, чего с неё взять, воровка со стажем, отпетая маленькая негодяйка. Остановилась перед решёткой, за которой сидела Лиза Чуйкина. Холодное обшарпанное помещение без окон слабо освещалось мигающим светом электрической лампочки, на полу лежал вонючий матрас, в углу стояло ведро – вот и весь реквизит.

– Ну, что же ты, Чуйкина, не успела в отряд зайти, уже драку устроила, – пожурил старший воспитатель почти по-отечески.

Лиза сидела на матрасе, по-детски подогнув под себя ноги, и гладила котёнка. Волосы цвета зрелой ржавчины успели подрасти после стрижки в ноль и даже закудрявились.

– В молчанку будем играть? – уже грозно спросила Грин, дёрнув подбородком.

– Тишина кругом. Только мудрый в ней найдёт слова.

Лиза, наконец, подняла голову. Элеонора невольно отшат-

нулась. Кошачьи глаза девочки завораживали и пугали, как будто прожигали насквозь. Лиза опустила взгляд на котёнка, взяла за повреждённую лапку. Подушечки пальцев начали лихорадочные движения, пока маленькие огоньки не заиграли вокруг повреждённой конечности. Свечение прекратилось внезапно. Лиза откинулась на матрас, котёнок мяукнул и убежал. Грин очнулась и ушла. Домой. Домой! Пора отдыхать, а то чертовщина какая-то в голову лезет.

Дома Элеонора сняла верхнюю одежду, опустилась на диван, задумалась.

– Нет, этого не может быть. Просто привиделось, – отмахнулась она от происшествия в карцере.

Женщину никто не ждал, но она ждала мужа. Поэтому долго рассиживаться не могла, нужно приготовить ужин. Виталик вернулся домой поздно, нервный, взвинченный, впрочем, как обычно.

– Знаешь, Элька, всё надоело. Всё! – сказал он, сидя в кресле. Руки сцепил в замок у самого лица.

– Родной мой, что случилось? – спросила жена, пристроившись рядышком. Погладила по лысеющей голове.

– Это ничтожество опять получило солирующую роль в следующем сезоне.

– Игнатович? – догадалась Элеонора.

– Ну, кто же ещё? – раздражённо спросил Виталик, выдернув голову из-под руки жены.

С мужем она познакомилась двадцать пять лет назад, в

первом классе музыкальной школы. Виталик её закончил, а Элеоноре не удалось. Ей купили скрипку на вырост, но многодетная семья смогла позволить себе обучение пусть и талантливой, как уверяли педагоги (таких ещё поискать надо!), дочери только два года. Потом потеря кормильца, и всё. Прощай, школа! Прощайте, Бетховен и Шопен!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.